

РОЛЬ ШЭНЬШИ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМПЕРАТОРСКОГО КИТАЯ

Юлия Олеговна КАМОРНАЯ,
аспирантка Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.
E-mail: merit_nefer@mail.ru

В статье описаны основные направления творчества *шэньши* как монополистов в сфере интеллектуального труда, главные цели и задачи, которые ставили перед собой представители «служилого сословия» при создании произведений разных литературных жанров, а также методы их реализации.

Ключевые слова: *шэньши*, императорский Китай, «высокая культура», «изящная словесность», художественный вкус, образование.

The Role of Shenshi in the Formation of Spiritual Culture of the Imperial China

Yu.S. Kamornaya, a post-graduate, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

The article describes the main trends of work of Shenshi as the monopolists in the intellectual sphere of spiritual culture of Imperial China. There are shown the main tasks and goals that the “service class” representatives put while working on the different literary genre compositions, and also methods of their realization.

Key words: Shenshi, Imperial China, “high culture”, “fiction”, high art taste, education.

Духовная культура императорского Китая характеризуется доминантой письменного слова. Возможно, ни в одной стране мира письменности не придавалось такого колоссального значения, как в Китае, где преклонение перед *вэнь* (письменами) превратилось в культ. Путешественник времён династии Цин (1644—1911) писал: «Китайцы поклоняются своим письменам, т.е. иероглифам. Когда были изобретены письмены, говорят они, небеса возрадовались, а ад содрогнулся. Ни при каких обстоятельствах не наступят они на клочок исписанной бумаги, и чтобы проявить своё почтение, литературные ассоциации нанимают специальных людей, которые ходят по улицам, собирают исписанные листки и сжигают их на алтарях с соблюдением всех ритуальных церемоний» [7, с. 18].

Доминантное развитие письменности заложило основу богатейшей литературной традиции, огромное количество памятников которой дошло до наших дней. При этом обширное литературное достояние Китая создано относительно небольшим слоем образованных людей — *шэньши** Именно

* В синологии под *шэньши* принято называть людей, получивших традиционное конфуцианское образование, сдавших государственные экзамены на ученую степень. По данным Б. Элмана, количество *шэньши* в 1700 г. составило 500000 человек из 150000000 населения страны [19, с. 7—28].

они в течение нескольких тысячелетий являлись монополистами в области созидания, сохранения, распространения и потребления знаний [18; 19], которые в конфуцианской традиции неразрывно связаны с письменным словом и представлением о высокой культуре. Как писал Ф. Моут: «...только то, что творилось с помощью кисти для письма от поэзии до живописи, от каллиграфии до создания исторических произведений, критических комментариев на классические произведения, работ по управлению государством и даже написание медицинских рецептов — всё это рассматривалось как истинное занятие учёного мужа. Они [*шэньши*] жили кистью, и всё, что выходило из-под этой кисти, относилось к высокому искусству. Все другие занятия, как интеллектуальные, так и прикладные... вне зависимости от их полезности и ценности, считались работой актёров и ремесленников, но не высокой культурой» [24, с. 152].

Два фактора на рубеже I—II тыс. н.э. имели определяющее значение для становления *шэньши* как элитарного сословия, обладающего специфическим мировоззрением. Первый из них — формирование меритократического или бюрократического общества. Активно начавшись при династии Тан (618—907), становление этой формы государственного устройства завершилось в период Сун (960—1279), характеризующийся окончательным оформлением институтов государственной власти и признанием конфуцианства официальной идеологией. В западной синологии правление сунских императоров характеризуется как период становления гражданского общества (*civil society*) в противовес аристократическим и милитаристским режимам предшествующих эпох [19; 24].

Социально-политические сдвиги в сунском обществе позволили *шэньши* занять лидирующие политические, экономические и культурные позиции, стабильность которых гарантировалась государством и господствующей конфуцианской доктриной. Таким образом, на протяжении всей истории императорского Китая *шэньши* являлись элитарным сословием, а его представители объединяли черты «государственного человека» или чиновника, «образованного человека» или учёного (*вэнь жэнь*) и «состоятельного человека» или богача [2].

Эта особенность китайской цивилизации сформировала особое восприятие интеллектуального труда в среде *шэньши*: он никогда не рассматривался как средство заработка, так как большинство *шэньши* происходило из обеспеченных семей. Как отмечают Хо П. и Тан Т., только 3,3% *шэньши* были выходцами из семей мелких земледельцев [21]. Творчество в сфере письменного слова преимущественно рассматривалось как моральный долг перед государством или способ демонстрации культурного уровня и считалось вопросом престижа [26]. Такое отношение к интеллектуальному труду обусловило и отсутствие в Китае профессиональных писателей. В традиционном Китае литературным творчеством в разных его проявлениях занимались императоры, государственные деятели, мыслители. Например, император цинской династии Канси (пр. 1662—1722) был известен как поэт, видный сановник эпохи Сун — Оуян Сю (1007—1072) — знаменитый историк и поэт, один из основателей неоконфуцианства, Чжу Си (1130—1200),

по выражению А.С. Мартынова, был «...плохим, но довольно плодовитым поэтом» [8], а также комментатором классических произведений.

Второй фактор, обеспечивший повышение роли *шэньши*, — изобретение ксилографической печати в период правления династии Тан (618—907)*. Её дальнейшее развитие в значительной мере упростило задачу создания и сохранения знаний, расширило возможности *шэньши* в вопросе их распространения, однако не привело к качественному изменению традиционных представлений о составе знаний и функции письменного текста, как это случилось в Европе.

Ещё одним фактором, оказавшим непосредственное влияние на формирование понимания «книжной» культуры Китая, явилась система государственных экзаменов (*кэцзюй*), просуществовавшая в стране 1300 лет, с момента создания при династии Суй (581—618) в 605 г. до её отмены в конце династии Цин в 1905 г. [19]. Институт государственных экзаменов как основное средство «воспроизводства» правящей элиты прочно закрепил в традиционном сознании циклическую взаимосвязь: власть, богатство, образование. Эта зависимость со всей очевидностью отражена одним из основоположников конфуцианства Мэн цзы (372—289 гг. до н.э.): «Одни работают сердцем, а другие — мускулами. Кто работает сердцем, тот правит людьми, а кто работает мускулами, тем управляют люди. Кто управляет людьми, тот кормит их, а кто управляет людьми, тот кормится ими. Такова всеобщая справедливость в Поднебесной» [9].

Именно эта система сформировала традиционное отношение к книге, прежде всего как к источнику стандартизированного знания и аутентичного текста. В отличие от Запада книга никогда не рассматривалась *шэньши* как средство распространения новых идей [16]. Ещё Конфуций (ок. 551—479 гг. до н.э.) говорил: «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю её» [6]. Основной функцией печатной книги считалась передача стандартизированного знания, прежде всего конфуцианской классики, династийных историй и других официальных трудов.

Танский император Минцзун (926—933) в своём эдикте о начале проекта печати официальной редакции «Девятикнижия» заявил: «Если кто желает цитировать классику, он должен скопировать это печатное издание. Вставки из любых других источников и публикация альтернативных изданий отныне запрещены» [30, с. 88]. «Девятикнижие» официально создавалось как сборник трудов, необходимых для сдачи государственных экзаменов.

Являясь средством «самовоспроизводства» для правящей бюрократии, система *кэцзюй* находилось под строгим государственным контролем, что определило доминанту государства в сфере создания и распространения

* В Китае ксилографическая печать начала применяться при династии Тан (618—907). С тех пор как Ван Цзи напечатал первую книгу «Алмазная сутра» (сборник буддийских канонов) в 868г. крупномасштабные печатные проекты получили в Китае широкое распространение. В 932—953 гг. главный министр Фэн Дао (882—954) приказал напечатать «Девятикнижие» (9 книг классического конфуцианского канона) в объеме 130 цзюаней, что стало «первой официальной публикацией в мире» (см.: Temple R. The Genius of China. New York: Simon & Schuster, 1986).

печатной книги как источника стандартизированных знаний*. *Шэньши* как состоящие на государственной службе, так и отдельные учёные были активно вовлечены в процесс сбора, компиляции, редактирования и хранения разного рода официальных «письменных трудов».

Конфуцианская классика составляла основной объём официальной печати. Являясь основой идеологической доктрины государства и главным предметом традиционного образования, она рассматривалась как объект строгого государственного контроля и обладала высокой степенью стандартизации. Её структура претерпела мало изменений за всю историю конфуцианского Китая. Конфуцианский канон состоял из «Пятикнижия» («У цзин») основы официальной идеологии и системы образования с 136 г. до н.э. и «Четырёхкнижия» («Сы шу»)**. В «Пятикнижие» входили такие древние тексты, как «Ши цзин» («Канон песен»), «Шу цзин» («Канон истории»), «И цзин» («Канон перемен»), «Ли цзи» («Записки о ритуале») и «Чунь цю» («Вёсны и осени»). «Четырёхкнижие» представляет собой сборник классических конфуцианских текстов в редакции одного из основателей неоконфуцианства Чжу Си: «Лунь юй» («Суждения и беседы») Конфуция, «Мэн цзы» одноимённого автора, «Да Сюэ» («Великое учение») и «Чжун юн» («Срединное и неизменное») с комментариями редактора. Именно Чжу Си выделил две главы «Ли цзи», «Да Сюэ» и «Чжун юн» в отдельные произведения, окончательно сформировав официальное «Девятикнижие», которое оставалось неизменным до конца императорского периода.

Помимо конфуцианской классики огромное место в официальной литературе занимают труды по истории, политике и географии. Согласно традиционной китайской классификации выделяются виды исторических произведений:

1. Официальные или стандартные истории.
2. Частные и полуофициальные исторические компиляции, идентичные официальным.
3. Официальные и частные исторические произведения аналитического характера или хроники.
4. Исторические произведения, классифицированные по темам.
5. Смешанные истории, в основном описывающие определённый период или конкретное событие.
6. Сборники императорских указов и докладов трону.
7. Сборники биографий.
8. Работы по организации чиновничьего аппарата.
9. Работы, посвящённые политическим институтам.
10. Труды по географии и территориальному администрированию [20].

* В императорском Китае принято выделять государственную печать (*гуанкэ*), коммерческие издательства (*фанкэ*) и частную или семейную печать (*сыкэ*) (McDermott J.P. A social history of the Chinese book. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2006; Brokaw C.J., Chow K.W. Printing and book culture in late imperial China. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2005).

** Шестой канон «Юэ цзин» (Канон музыки) был утрачен еще в древности во время репрессий императора Цинь Шихуана (см.: Сяма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / пер. с кит. А.Р. Вяткина. М.: Наука, 1975).

Среди всего разнообразия работ на исторические темы самое важное место занимают официальные или династийные истории *чжэн ши*. Это компилятивные труды, состоящие из нескольких разделов: анналы императоров *бэнь цзи*, трактаты *чжи*, хронологические таблицы *бяо* и биографии *ле чжуань*. Основу этого жанра заложил великий историк Сыма Цянь (ок. 135 г. до н.э. — 90 г. до н.э.), написавший «Исторические записки» («Ши цзи»), в которых представлена история Китайского государства со времён мифического императора Хуан-ди до периода династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Традицию продолжил другой великий историк Китая Бань Гу (32—92 гг.), написавший «Историю династии Хань» («Хань шу»), первое произведение об истории конкретной династии*.

Период Тан явился переломным моментом в истории китайского историописания [39], именно с этого периода компиляция официальных историй становится делом исключительной государственной важности и приобретает регулярный характер. Начиная с Тан и до конца императорского периода в 1911 г., было составлено 9 основных династийных историй: Старая книга Тан (Цзю Тан шу), Новая книга Тан (Синь Тан шу), Старая история Пяти династий (Цзю Удай ши), Новая история Пяти династий (Синь Удай ши), История Ляо (Ляо ши), История Цзинь (Цинь ши), История Юань (Юань ши), История Мин (Мин ши).

В отличие от Запада, исторические труды в Китае никогда не рассматривались как безличная, непредвзятая и объективная фиксация событий прошлого. Компиляция официальных историй — это, прежде всего, оценочная деятельность, направленная на решение конкретных задач. Хотя взгляды составителей редко ясно выражены, кроме как в «заключении» в конце каждой главы, они искусно представлялись в самом процессе компиляции.

Основная задача *шэньши* при составлении династийных историй — обосновать легитимность власти правящей династии, показать её восприимчивость предыдущих законных правлений, поэтому вопрос перехода власти от одного правящего дома к другому становился основным содержанием этих трудов. Основываясь на конфуцианской доктрине ортодоксальной преемственности власти *чжэн тун* и концепции «Мандата неба» *тянь мин*, составители *шэньши* должны были наглядно показать процесс перехода «небесного мандата» на управление государством от одной династии к другой. Согласно традиционным представлениям основная причина династийного кризиса усматривалась не в объективных факторах (экономических, политических или социальных), а в идеологических — постепенной утрате конфуцианских добродетелей предшествующей династией. Небо отворачивалось от недостойной династии и передавало небесный мандат более достойному правлению с конфуцианской точки зрения. Начинался новый цикл преодоления кризиса, возвращения к процветанию и стабильности, которые в свою очередь должны были смениться новым упадком. Такой подход *шэньши* к историческому процессу формировал в народном сознании более спокойное отношение к подобным событи-

* Всего известно 24 официальных династийных истории.

ям и способствовал консолидации общества [4]. Особенно важно это было, если правящая династия принадлежала к отличной от предшественницы этнической группе.

При компиляции работ на исторические темы в задачи *шэньши* входило использование истории в образовательных целях. Образовательная функция официальных исторических трудов постепенно утрачивала своё значение и, как утверждает Ян Лянь Шэн, для более поздних историй становилась вторичной. Однако более ранние произведения, такие как «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня, «Всеобщее зеркало, правлению помогающее» («Цзы чжи тун цзянь») Сыма Гуана (1019—1086), «История Хань» («Хань шу»), «Записи о трёх царствах» («Сань го чжи»), «История поздней династии Хань» («Хоу Хань шу») и др., являлись обязательными к изучению и наравне с конфуцианской классикой входили в основной корпус знаний, необходимых для успешной сдачи государственных экзаменов.

Для императорского Китая история представляла собой нечто гораздо большее, чем просто констатация прошлого. Она использовалась для обучения людей жить в соответствии с моральными добродетелями, что должно было принести процветание стране, а нарушение этих добродетелей могло привести к гибели всего государства. В традиционном сознании история была синонимом древности, а древность — той идеальной субстанцией, с которой сопоставлялись все творческие, политические и социальные процессы. Выражение «*и гу вэй цзянь*» («древность есть зеркало») стало в Китае крылатой фразой.

Восприятие истории как «зеркала» и учителя обусловило особый подход к компиляции исторических трудов. Комментарии и искусственные оценки в подобных произведениях сводились к минимуму, а образовательный эффект достигался, главным образом, через историческое повествование. Абстрактные слова избегались, а читатель должен был концептуализировать моральные принципы истории из детальных описаний того, что делалось и говорилось, прежде всего, правителем и его министрами, главными носителями конфуцианской морали. Этот принцип заложен в составление династийных историй и исторических трудов в целом «отцом китайской историографии» Сыма Цянем. В своём «Предисловии» к «Историческим запискам» он писал: «Я хочу изложить в сквозном, пустом как бы слове, но это не будет также значительно, ясно, как зримое в самих делах и поступках людей» [1, с. 99].

Такое утилитарное понимание назначения исторического труда требовало от составителей определённого подхода к методике компиляции династийных историй. Исходя из этого, *шэньши* должны были со всем усердием и почтением решить, что именно следует включить в историю и с какой точностью, при этом исключение того, что следовало сохранить, было большой ошибкой, сохранение того, чего не должно быть, расценивалось как преступление. Несмотря на необходимость обосновать легитимность правящего режима, династийные истории ни в коем случае не должны были навредить репутации института императорской власти или господствующего государственного строя. Поэтому любые комментарии составителей,

выражавшие слишком откровенную критику тех или иных событий, сводились к минимуму или вообще исключались. Династийная история должна была излагать имперский дискурс своего времени. Как сказал один из составителей Мин ши: «Официальная компиляция истории отличается от частного исторического труда. В частном труде простительно полагаться на личные взгляды. Но когда история составляется официальным порядком, необходимо полагаться на имперскую оценку событий в государстве. Никто не должен полагаться лишь на частное мнение и впадать в излишнюю критику» (31, с. 53). Таким образом, когда неприемлемые вещи не могли быть полностью исключены, требовалась смекалка составителей. Например, сведения, которые могли бросить тень на императора или его министров, упоминались вскользь, а детали, которыми также манипулировали в интересах императора, могли быть записаны отдельно в биографиях участников событий так, чтобы читатель не мог ассоциировать трон с каким-либо обвинением или плохим руководством [28].

Ещё одна особенность династийных историй состояла в том, что к их компиляции привлекались не только действующие чиновники и придворные учёные, но и сохранившие верность павшей династии. Для «лоялистов» работа над составлением истории павшего режима являлась моральным долгом. Составление «правильной» версии истории трактовалось как акт верности, «последний долг» ушедшему правлению. С точки зрения нового режима, такое сотрудничество помогало наладить контакт с интеллектуальной элитой, заручиться её поддержкой в будущем [31], а также избежать слишком предвзятого отношения к предшествующему правлению. Хотя некоторые *шэньши* отказывались официально сотрудничать с новыми властями, они часто оказывали неофициальную или полуофициальную помощь [23].

Таким образом, с точки зрения *шэньши* исторические произведения в целом и династийные истории, в частности, были призваны легитимировать власть правящей династии, создавая непрерывную линию ортодоксального наследования власти с древнейших времён до периода текущего правления, наглядно продемонстрировать роль конфуцианских добродетелей в историческом процессе и их важность для поддержания стабильности в государстве и Вселенной.

Ещё одним важным источником стандартизированных знаний служили такие труды, как разного рода трактаты *чжи* и энциклопедии *лэй шу*. Трактаты, как правило, относились к жанру исторических произведений, направленных на описание административной деятельности. Такие исторические путеводители описывали иерархию чиновничества и военной системы, методы и условия отбора, назначения и продвижения чиновников, общую географию регионов, транспорт, каналы, предоставляли информацию по юридическим, налоговым и судебным делам, системе экзаменов и многое другое. Они представляли целое направление знаний, которыми должен обладать образованный человек, выбравший чиновничью карьеру, и должны были ознакомить читателя, прежде всего чиновника, с существующей доктриной и направить его мысль по заранее установленному курсу, что определило и стиль их написания.

Вводная часть трактата не имела ничего общего с темой произведения. Она давала краткое изложение классики и ортодоксальной философии, формировавших идеологическую базу, на которой автор объяснял, каким образом конфуцианские добродетели реализуются на практике. Основное содержание трактатов — иллюстрированный историческими примерами набор правил, которым необходимо следовать. Эти примеры демонстрируют, как непреложные истины конфуцианства оправдали себя в истории и таким образом стали «вечными». Примеры обычно представляли собой прямые цитаты стандартных историй. Обобщение и резюмирование применялись редко, так как могли снизить наглядность примеров. Из-за постоянного использования в знаменитых трактатах цитаты постепенно становились классикой и включались в систему экзаменов. Заключительная часть трактата представляла собой усиление введения, которое просто повторяло, как и почему необходимо следовать определённым правилам, соответствующим вечным истинам.

Таким образом, трактаты рассматривались как важные труды для подготовки к экзаменам высшего уровня. Они описывали методы применения классики в экзаменационных эссе и методы организации этих эссе в соответствии с необходимым стилем. Постепенное увеличение количества как самих трактатов, так и используемых в них цитат формировало интеллектуальный и политический спрос на авторитетные коллекции всех текстов, необходимых при сдаче экзаменов, что дало толчок развитию таких видов трудов, как энциклопедии *лэй шу* в период Тан.

Энциклопедии содержали классифицированную информацию по всем темам, необходимым чиновнику. В них входили словари для написания литературных композиций, руководства по политическим делам, коллекции трактатов и многое другое. *Лэй шу* рассматривались как хранилище знаний. Первая энциклопедия, сейчас утерянная, объёмом 35 томов была составлена в 740 г. Начиная с династии Сун и вплоть до конца императорского периода, составлением крупномасштабных официальных энциклопедий занимались почти при каждом императоре. Наиболее известной компиляцией этого рода стала «Юн лэ да дянь» («Большое уложение годов Вечная радость»), одна из самых объёмных книг в мире, составленная в период правления минского императора Юн лэ (пр. 1403—1424 гг.). Она состояла из 22 877 томов и 60 томов каталога* [34].

Методология компиляции была относительно простой, хотя очень затратной по времени в связи с размерами трудов. Составители выбирали из обширного количества документов книги и эссе, которые, по их мнению, необходимо сохранить для исследования и изучения. Из выбранного материала они брали подходящие отрывки и помещали их в заранее озаглавленные секции. Не было необходимости ни в критике, ни в отдельных повествованиях, позиция составителей отражалась в самом выборе.

Как утверждают некоторые учёные, такая методология заложила основы «литературной инквизиции» *вэньцзы юй* при составлении «Полного

* Подробнее о данных компилятивных трудах (см. Ван Чжунминь Чжун го му лунь сюэ ши лунь цун = Рассуждения о китайской библиографии. Пекин: Чжун хуа шу цзюй, 1984).

собрания сочинений по четырём разделам» (*Сыку цюаньшу*)* в период правления Цин. Пользуясь описанным методом, Цинское государство разделяло исследуемые книги по следующим категориям:

- следует сохранить полностью;
- подлежит частичному сохранению;
- сохранить только название, а содержание опустить;
- необходимо полностью запретить [26; 36].

Огромное значение придавалось наблюдению за «небесными письменами» (планетами, звёздами и небесными явлениями) и составлению календарей. Для этих целей в центральном правительстве было создано специальное учреждение — Терраса ведающих небом *сытяньтай* [12]. Императорские звездочёты *шэньши* обладали монопольным правом на занятие астрономией, исчисление времени и календарных времён года. Как полагает Ч. Хакер, эта специализация была наследственной [22], что нехарактерно для китайской бюрократической системы. Исключительная важность этой деятельности подчёркивается фактом, что не только занятие астрономией частным порядком, но и владение астрономическими книгами и приборами было законодательно запрещено на протяжении императорского правления. Астрономическая литература — практически единственный вид литературы, официально запрещённый к частному владению [5; 15; 27]. Такое исключительное отношение к этой области знаний объясняется политико-идеологическими причинами — концепцией, что император — «сын Неба». Как «сын Неба» император обладал монопольным правом на общение с божеством, которое особым способом информировало его о будущем империи и выражало своё одобрение или неодобрение текущим правлением. Коммуникация осуществлялась посредством разных природных феноменов, как сказано в Новой истории Тан «...странностей солнца, луны, небесных светил, облаков, ветра, испарений и освещения» [37]. Астрономы рассматривались как интерпретаторы небесных знамений, а календарь — как справочник для интерпретации. Таким образом, астрономия и календарь стали символами легитимности императорской власти. Любое частное вмешательство в эту сферу могло привести к нарушению небесного порядка и создать угрозу трону.

Таким образом, основной задачей *шэньши* на ниве официального «книготворчества» было производство стандартизированных знаний, необходимых для сохранения существующего политического строя и собственного самовоспроизводства. Основным «поставщиком» знаний в императорском Китае являлось центральное правительство, где для этих целей в разные времена существовали определённые институты: Институт распространения словесности *Хунвэнь гуань*, Академия дворца, где собраны достойные

* Полное собрание сочинений по четырём разделам» (*Сыку цюаньшу*) — самый большой компиляционный труд в мире. Состоит из 36381 томов. Был создан по приказу цинского императора Цяньлуна (пр. 1736—1795 гг.). Над компиляцией работал 361 человек почти 10 лет (1773—1782). Подробнее см.: Жэнь Сунжу Сыку цюаньшу давэнь = Диалоги о «Полном собрании сочинений по четырём разделам». Чэндун: Ба шу шу шэ чу бань, 1988.

Цзисяньдянь шуюань, Надзор потаённых документов или императорская библиотека *Мишу шэн*, Историографический институт *Ши гуань*, Терраса ведающих небом *Сытянь тай* и др. [12]. Производство официальных текстов для чиновников и учёных, служивших в этих органах в периоды Тан, Сун, могло быть непосредственной обязанностью (например, Институт распространения словесности, Академия и надзор потаённых документов отвечали непосредственно за компиляцию, редактуру и хранение конфуцианской классики и других официальных текстов), дополнением к другим административным функциям или даже наследственной прерогативой (Историографический институт и Терраса ведающих небом соответственно). Начиная с периода Ляо (916—1125), на первый план в этом вопросе выходит Академия Ханьлинь *Ханьлинь гуань*. Это небольшое по составу учреждение, созданное при правлении Тан*, при последних династиях (Мин, Цин) стало одним из важнейших органов государственного управления и оплотом конфуцианской ортодоксии. Все важнейшие проекты в области официального «книготворчества» проходили при непосредственном участии и под контролем членов этого органа, которые параллельно занимали многие высшие посты в государстве и имели личный доступ к особе императора [11; 17].

Необходимо также отметить, что в задачи центрального правительства не входило массовое распространение официальных трудов. Перечисленные выше органы должны были составить официальную версию какого-либо труда, а доведение этой версии до «массового потребителя» возлагалось на местную власть, образовательные учреждения (школы и академии как государственные, так и частные) и даже коммерческие издательства [16; 29].

Шэньши, официально не состоявшие на службе государству, также могли создавать разного рода труды по официальным вопросам: комментарии к классике, энциклопедии, трактаты, исторические произведения. Однако, чтобы стать продуктом массового распространения, такие труды должны были получить официальное признание [29]. Если частное произведение противоречило дискурсу, установленному государством, то последствия могли быть катастрофическими не только для авторов, но и для членов их семей, а иногда и для всех, вовлечённых в процесс создания и распространения такой литературы (от издателей до продавцов) [23; 35].

Некой «промежуточной» сферой между официальной и массовой литературой являлась поэзия. Эта сфера духовной деятельности известна в Китае с древних времён. Например, составление «Ши цзин» («Канона стихов») приписывается самому Конфуцию. Не являясь официальной литературой, поэзия, однако, характеризуется достаточно сильной степенью стандартизации, прежде всего в техническом плане. Как правило, поэзией

* В период 1644—1695 гг. в Академии Ханьлинь в среднем насчитывалось около 100 чел. (см.: Chung A. L. Y. The Hanlin Academy in the early Ch'ing period (1644—1795) // Journal of the Royal Asiatic Society Hong Kong Branch. Vol. 6. 1966. P. 100—119. Подробнее об этом государственном учреждении см.: Lui A. Y. The Hanlin Academy: training ground for the ambitious, 1644—1850. Hamden, Conn.: Archon Books, 1981. 284 p.).

занимались «высшие среди равных», т.е. императоры и верхушка бюрократии, хотя основы стихосложения входили в обязательную программу обучения [2]. Этот факт даёт право отнести этот вид духовного творчества в разряд элитарных, наравне с философией и историей. Для правящей элиты этот вид творческой активности являлся, прежде всего, средством демонстрации художественного вкуса и литературного мастерства, нежели средством передачи новых идей.

Период правления Тан характеризуется многими историками китайской литературы как «золотой век» поэзии, когда окончательно сформировался поэтический стиль *ши*, отличавшиеся довольно сложной эстетикой: принцип чередования тонов, единая рифма под ровным тоном, пятисловный и семисловный размеры, обязательный параллелизм, кроме первого и последнего двустигия [14]. Из-за жестких эстетических рамок поэты постоянно находились в поиске всё новых литературных средств: метафор, аллегорий, тропов и связей с другими частями произведения или другими произведениями. Чем лучше литературный стиль, тем сложнее он был для написания, чтения и понимания. Бесконечное усовершенствование литературного стиля привело к упадку поэзии в конце Тан, как отмечает Дж. Лю: «...это развитие отражало перерастание зрелости за гранью в чрезмерную перезрелость» [29, с. 247]. В период Сун поэзия отходит от камерного стиля *ши* и словесных изысков, обращаясь к серьёзному содержанию. Появляются два новых стиля: *цзы*, поэзия, написанная более простым слогом, и поэтическая проза *фу*. Общая характеристика этих стилей — более свободная форма и богатая эмоциональная выразительность. Как писал знаменитый поэт этого периода Мэй Яочэнь: «Заслуживают одобрения стихотворения с новыми мыслями и изящным поэтическим слогом» [14, с. 65].

Таким образом, с появлением новых стилей поэзия стала постепенно смещаться от чистой демонстрации интеллектуального и литературного таланта в сторону выражения чувств и эмоций. Однако, несмотря на развитие всё новых поэтических жанров, высокая поэзия по-прежнему оставалась элитарным жанром, написание которого по большей части происходило на традиционном письменном языке *вэнь янь*. Эта особенность отдаляет поэзию от массовой литературы и сближает её с официальной сферой, так как *вэнь янь* или *гу вэнь* (древний язык) — это, прежде всего, язык официальных текстов и государственного управления, который в значительной степени отличался от просторечья. Умение владеть этим архаичным языком, претерпевшим мало изменений за более чем трёх тысячелетнюю историю письменной традиции Китая, требовало длительного обучения и во многом определяло социокультурный статус *шэньши* [13].

Ещё одним важным направлением приложения сил *шэньши* в сфере духовного творчества является «изящная словесность». Как правило, к этой сфере литературы принято относить художественную или историческую прозу *сяо шо* или *цзян ши*. Жанр художественной литературы зародился при правлении Тан, но своего расцвета достиг значительно позднее — в XVI—XVII вв. Как официальная литература и поэзия, художественная проза изначально писалась *шэньши* и для *шэньши*, однако её

развитие происходило преимущественно вне бюрократической среды [34], что обусловило её значительное своеобразие.

В этой связи, прежде всего, необходимо отметить, что произведения «изящной словесности» часто писались с применением элементов устного творчества и на языке, близком к живой речи или просторечью *байхуа*. Возникнув как средство развлечения в кругу элиты, художественная проза постепенно приобрела ориентацию на массового читателя, даже слушателя и зрителя, так как такие произведения часто читались или ставились актёрами на городских рынках для развлечения масс.

При написании подобных произведений *шэньши* ставили перед собой задачу образования населения путём приобщения его к «высокой культуре». Как правило, основное содержание художественной прозы бралось из официальных исторических произведений, чаще всего из династийных историй, расширялось неофициальными произведениями, перерабатывалось, а затем излагалось. В предисловии к минскому изданию «Повествования о Западной и Восточной Цзинь» написано: «Существуют достоверные истории (*синь ши*), существуют также и вольные истории (*ешу*)*. Некоторые любители собрали и расширили их, дабы простотою научить людей» [33, с. 307]. Некоторые учёные отмечают, что в произведениях «изящной словесности» было 70% правды и 30% вымысла [29], однако вопрос о правдивости этих произведений для *шэньши* не играл основополагающей роли, ценность их в том, что они могли помочь официальным историям в деле народного образования. По этому поводу в предисловии к сборнику повестей Фэн Мэнлуна «Цзиньши тунъянь» сказано: «Правдивы ли вольные истории? Не обязательно. Ложны ли они? Отвечаю: необязательно. Следует ли из этого, что надобно удалить лживое и сохранить правдивое? Отвечаю: необязательно... Простонародные повествования способны помочь каноническим книгам и историям...» [40 с. 400]. Знаменитый литератор конца империи Цин У Вояо (1866—1910) также отмечал доминанту образовательной функции художественной прозы: «У меня есть большое желание создать исторический роман, чтобы сегодняшний читатель прозы мог бы завтра читать официальную историю и понять её смысл; чтобы тот, кто читал официальную историю вчера и не вник в неё, читая прозу сегодня, мог сам приобщиться к событиям истории» [32, с. 183].

Восприятие художественной литературы как дополнения к официальным историям также отражено в предисловии к сборнику повестей XVII в. «Корабль с драгоценностями»: «Разве не известно, что в Поднебесной существуют официальные истории? Однако должны быть также и вольные

* Правдивые истории *синь ши*, т.е. официальные династийные истории *чжэн ши*, так как понятие *чжэн* имело смысл «истинного», «достоверного». Вольные истории *ешу* — истории, лежавшие вне круга официального историописания. Этим термином могло быть названо всякое вольное и субъективное изложение событий. В зависимости от степени субъективности вольные истории могли приближаться к более точному изложению фактов или удаляться в сторону чисто художественного произведения [см.: Воскресенский А.Д., Воскресенский Д.Н. Литературный Китай в XVII веке: Судьбы истории, философии и социального бытия в китайской классической литературно-художественной традиции. М.: Аспект Пресс, 2009. 174 с.]

истории. Официальные истории описывают достояния и потери правлений за тысячи лет древности. Что касается вольных историй, то они повествуют о процветании и упадке в народе за какое-то определённое время. Если сравнивать с «Ши цзин», то официальные истории — это каноны, а вольные истории — это «Нравы царств» [38, с. 177]. Тем не менее к сентенции о том, что «вольные истории... повествуют о процветании и упадке в народе» следует относиться с осторожностью. Воспитанные в конфуцианской традиции *шэньши* при написании художественной прозы, прежде всего, пытались на исторических примерах показать массам действие моральных императивов конфуцианства, нежели описать действительные «процветание и упадок в народе». Они перерабатывали свои произведения так, что даже такой асоциальный элемент, как «молодцы» или разбойники *ся*, находясь в конфронтации с остальным обществом, обладали базовыми моральными ценностями внутри своего сообщества. Во многих произведениях военачальники, призванные усмирить «молодцев», осознают, что их противники обладают чувством справедливости, долга, храбростью, братской любовью, понятием чести и так далее [3]. В этой связи можно согласиться с мнением Г. Франка, который отмечал: «...ценность художественной литературы не стоит переоценивать, в частности из-за высокой степени стилизации даже в тех произведениях, где, по общему мнению, представлено отношение к правительству или социальная критика. Реальный глас «народа»... никогда не записывался, и мы просто не знаем, как крестьянин или актёр, скажем периода Мин, выражал себя. Всё, что мы знаем, в определённой степени уже прошло фильтр интеллигенции» [21, с. 48].

Таким образом, несмотря на то, что произведения художественной литературы создавались главным образом для «массового потребления», вследствие чего испытывали на себе меньшую степень стандартизации как в техническом плане, так и в плане содержания, они всё же не стали средством распространения кардинально новых идей и воззрений. В отличие от Запада, где два отдельных авторитета — церковь и светская власть — создали возможность свободы выбора и независимого развития культуры и науки, высоко централизованное общество императорского Китая такой возможности не предоставляло [10].

Итак, можно сказать, что *шэньши*, являясь монополистами в сфере производства знаний и грамотности в целом, а также совмещая функции «государственных мужей» и интеллигенции, умело манипулировали своими возможностями как в официальной сфере, так и в сфере массовой культуры. Как носители и хранители моральных принципов конфуцианства именно они формировали общественное мнение, от которого во многом зависело устойчивое положение той или иной династии. Они оценивали действия монархов при составлении официальных историй и интерпретировали «глас небесный», что также являлось сильным средством давления на слишком независимых правителей. Проходя длительный курс обучения, прежде всего в конфуцианских добродетелях, и жесточайший отбор системы государственных экзаменов, *шэньши* не только получали власть и материальное богатство, которое при отсутствии майората могло быть утрачено

в течение нескольких поколений, они становились *цзюньцзы* «добродетельными мужами», на которых равнялись все остальные слои общества.

Власть *шэньши* над «небесными знаками» *вэнь* давала возможность непрестанно совершенствоваться, сверяясь с «мудростью древних», и направлять Поднебесную в соответствии с законами мировой гармонии. В более утилитарном смысле грамотность позволяла им сохранять свой элитарный социальный статус, так как ранняя бюрократия, по сути, присвоила себе лидирующие позиции, не обладая ни собственностью на средства производства, ни аристократическим происхождением, ни военной властью или широкими кровными связями.

Монополия на производство и распространение знаний не означает, что *шэньши* были разработчиками абсолютно всего, это далеко не так. Однако практически всё, когда-либо изобретённое или написанное (идеи, произведения, ремёсла), было изучено, описано и сохранено *шэньши*. Именно их моральные стандарты являлись первым цензором в процессе производства духовного наследия, а решения в отборе и модификации текста могли определять, как долго и в каком объёме сохранится это наследие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев В.М. Китайская классическая проза. М., 1958.
2. Васильев Л.С. Государство и бюрократия в истории Китая // Научная конференция «Государство и общество в Китае»: докл. и тез. М.: 1970. Вып. 2. С. 18—34.
3. Воскресенский А.Д., Воскресенский Д.Н. Литературный Китай в XVII веке: Судьбы истории, философии и социального бытия в китайской классической литературно-художественной традиции. М.: Аспект Пресс, 2009. 174 с.
4. Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII—XVIII вв. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. 288 с.
5. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений = Да Мин люй цзи цзе фу ли. Ч. 1 / пер. с кит., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой. М.: Вост. лит., 1997. 573 с.
6. Конфуций «Суждения и беседы» / пер. с кит. П. Попова, исслед. А. Маслова. М.: Феникс, 2006. 304 с.
7. Лисевич И.С. Литературная мысль Китая. М.: Наука, 1979. 266 с.
8. Мартынов А.С. О некоторых особенностях духовной культуры Китая: XVI науч. конф. «Государство и общество в Китае». М.: Наука, 1985. Ч. 1. С. 14—19.
9. «Мэн-цзы» / пер. с кит. В.С. Колоколова. СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. 272 с.
10. Померанц Г.С. Шэньши как тип средневекового книжника // История и культура Китая: (Сб. памяти академика В.П. Васильева). М.: Наука, 1974. С. 362—384.
11. Попова Л.В. Академия Ханьлинъ — важнейший орган государственного управления Китайской империи // 24-я науч. конф. «Государство и общество в Китае»: Тез. докл. М., 1993. Ч. 1. С. 104—107.
12. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб.: Петербург. востоковедение, 2009. 512 с.
13. Савинова Е. Национальные особенности традиционного образования в Китае // Власть М.: ООО «Редакция журнала «власть». 2007. № 4. С. 93—95.
14. Серебряков Е.А., Родионов А.А., Родионова О.П. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. — начало XXI в.): имена литераторов, названия

- произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе. М.: АСТ Восток-Запад, 2005. 333.
15. Уголовные установления Тан с разъяснениями / пер. с кит. и комментарии В.М. Рыбакова. СПб.: Петербург. Востоковед., (цз. 9—16) 2001. 304 с.
 16. Brook T. The Chinese state in Ming society. New York, 2005.
 17. Chung A.L.Y. The Hanlin academy in the early Ch'ing period (1644—1795) // Journal of the Royal Asiatic Society Hong Kong Branch. vol. 6. 1966. P. 100—119.
 18. Elman B. A cultural history of civil examinations in late imperial China — Los Angeles: University of California Press, 2002. 403 p.
 19. Elman B. Political, social and cultural reproduction via civil service examinations in late imperial China // The Journal of Asian Studies. 1991. № 1. Vol. 50. P. 7—28.
 20. Franke W. Historical writing during the Ming // Cambridge history of China ed. by Mote F.W., Twitchett D., Cambridge University Press, 2008. Vol. 7, part 1. P. 726—783.
 21. Ho Ping — ti and Tang Tsou (eds.), China in Crisis: China's heritage and the communist political system. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
 22. Hucker C. A dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford; California, 1985.
 23. Kessler L.D. Chinese scholars and the Early Manchu State // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1971. Vol. 31. P. 179—200.
 24. Mote F.W. Imperial China 900—1800. Harvard University Press, 1999. 1106 p.
 25. Peterson W. Confucian learning in late Ming thought // Cambridge history of China ed. by D. Twitchett & J.K. Fairbank., vol. 8., part 2., Cambridge University Press, 2008. pp. 789—810.
 26. Smith R.J. China's cultural heritage: the Ch'ing Dynasty 1644—1912. Boulder: Westview Press, 1983.
 27. The Great Ming Code — translated and introduced by Jiang Younglin. University of Washington Press, 2004. 301 p.
 28. Twitchett D. The writing of official history under the Tang. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
 29. Wei Ze D. Printing as an agent of social stability: the social organization of book production in China during the Sung Dynasty: Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy in the School of Communication. UK: M.: Phil, Stirling University, 1991. 381 p.
 30. Wu K-T Scholarship, Book Production, and Libraries in China (618—1644). Ph D Dissertation. Chicago: University of Chicago, 1944.
 31. Yang Lien-Sheng. The organization of Chinese official historiography: principles and methods of the standard histories from the Tang through The Ming dynasty // Histories of China and Japan. London, 1961. P. 44—59.
 32. А Ин. Ваньцин вэньсюэ цунчао = Материалы по литературе поздней Цин. Шанхай, 1960.
 33. Ван Сяочжуань Юань Мин Цин саньдай цзихуэй сяошо сицзюй шиляо = Исторические материалы о запретах и уничтожении произведений прозы, драмы эпох Юань, Мин, Цин. Пекин, 1958.
 34. Ван Чжунминь Чжунго мулунь сюэши луныцун = Рассуждения о китайской библиографии. Пекин, 1984.
 35. Го Чэнкан, Линь Тецзюнь Циндай вэньцзы юй = Письменные судилища династии Цин. Пекин, 1990.
 36. Жэнь Сунжу Сыку цуаньшу давэнь = Диалоги о «Полном собрании сочинений по четырём разделам». Чэнду, 1988.
 37. Синь Тан шу. Шанхай, 1958.
 38. Сунь Кайди Жибэнь Дунцзин соцзянь сяошо шуму = Каталог произведений китайской прозы, просмотренных в Токио. Пекин, 1958.
 39. Чинь Юйфу Чжунго шисюэ ши. 1994.
 40. Чжэн Чжэньдао Чжунго вэньсюэ яньцзю = Исследования китайской литературы. Пекин, 1957.